

Мальчик Цуй Чжи не получил серьезных травм, лишь поцарапал руки и колени. Когда врач перевязывал его, бабушка стояла рядом, тихо плача и ворча. Сы Цянье и Чжао Сюньюэ находились в палате, а Чэн Синьюань вышел позвонить отцу Цуй Чжи.

— Да, все в порядке, не волнуйся.

Отец Цуй Чжи на том конце провода извинялся, но не сказал, что вернется к сыну. Чэн Синьюань, жалея ребенка, сделал ему небольшое внушение:

— Господин Цуй, мамы у ребенка больше нет, вам нужно больше заботиться о нем.

На другом конце провода наступила тишина, и Чэн Синьюань продолжил:

— Я знаю, что вы работаете вдали от дома, чтобы заработать деньги, но воспитание и развитие ребенка необратимы. Сегодня он сказал, что хочет маму, и это, конечно, не внезапное желание, а результат долгого накопления, которое сегодня выплеснулось. Если вы не вернетесь к нему, сегодня мы его спасли, а если в следующий раз что-то подобное случится, и мы не успеем?

Тон Чэн Синьюаня стал почти строгим, и после паузы на том конце провода ответили деловым «хорошо, хорошо». В этот момент Сы Цянье вышел из палаты, и Чэн Синьюань, еще раз напомнив отцу Цуй Чжи о его обязанностях, повесил трубку.

— Ребенка уже перевязали.

— Эх, ладно... — Чэн Синьюань убрал телефон. — Его отец вообще не похож на человека, который заботится о ребенке. Бабушка что-нибудь сказала? Почему мама ребенка покончила с собой?

— Я немного разузнал и поговорил с бабушкой... — Сы Цянье выглядел подавленным. — Мама Цуй Чжи вышла замуж в семью Цуй по знакомству, она была старшей в своей семье, у нее было два младших брата, и в родной семье ее не особо любили. После замужества в семье Цуй она несколько лет не могла забеременеть, и семья, желая внука, решила...

Сы Цянье запнулся, и Чэн Синьюань с тревогой спросил:

— Решила что?

Сы Цянье едва заметно покачал головой:

— Бабушка говорила намеками, но я предполагаю, что не исключено насилие в браке... Позже она родила Цуй Чжи, и через несколько лет после родов покончила с собой.

Чэн Синьюань замолчал, заглядывая в палату через щель в двери. Уезд Линьчэнь был маленьким местом, и у маленьких мест есть свои плюсы и минусы. Минусы, помимо тяжелых условий жизни, включают устаревшие традиции, такие как предпочтение мальчиков перед девочками и важность продолжения рода. Мама Цуй Чжи, вероятно, оказалась под двойным давлением этих факторов и не выдержала, решив покончить с собой. В городах женщины, сталкивающиеся с послеродовой депрессией и домашним насилием, могут обратиться к психологам и в суды, но в бедных деревнях, таких как Линьчэнь, смерть, возможно, была единственным выходом для таких женщин.

— Пойди... позови бабушку, я поговорю с ней.

— Хорошо.

Чэн Синьюань с усталостью посмотрел в палату, думая, как он будет уговаривать бабушку. Сы Цянье зашел в палату, поговорил с пожилой женщиной, и она, быстро вытерев слезы, вышла за дверь. Чжао Сюньюэ взглянул на них, а затем посмотрел на дверь, где Чэн Синьюань как раз встретился с ним взглядом.

Чэн Синьюань кивнул в сторону мальчика, давая понять, что Чжао Сюньюэ должен позаботиться о ребенке. Чжао Сюньюэ опустил глаза и полностью отвернулся от Чэн Синьюаня. Тот мысленно цыкнул, немного разозлившись, и, когда Сы Цянье и бабушка вышли, с раздражением закрыл дверь.

— Бабушка, не плачьте.

Чэн Синьюань посмотрел на пожилую женщину, ее глаза все еще были красными. Сы Цянье протянул ей салфетку, и бабушка сказала:

— Спасибо вам большое... Огромное спасибо, иначе я... я бы не знала, как объясниться с сыном...

— Это наша обязанность, — серьезно сказал Чэн Синьюань. — Ребенка спасли, но ему нужны родители. Мамы уже нет, вам нужно подтолкнуть вашего сына, чтобы он вернулся домой. Деньги можно заработать в любое время, а ребенок...

Бабушка, вытирая слезы, прервала его:

— Мой сын тоже нелегко живет.

— Я не говорю, что ему легко, но он должен находить баланс. Даже если он заработает много денег, а ребенок погибнет, кому он будет тратить эти деньги?

— Это все из-за матери Цуй Чжи... Ох, как мне тяжело, я уже в таком возрасте, и мне приходится заботиться о муже и воспитывать ребенка. Если бы мать Цуй Чжи была здесь, мне бы не пришлось так страдать...

Бабушка, несмотря на то что внука спасли, продолжала защищать сына, перекладывая вину на покойную невестку. Чэн Синьюань не смог сдержаться и цыкнул, а Сы Цянье, видя это, сказал:

— Бабушка, успокойтесь.

— Я не могу успокоиться, разве мне не больно?.. Кто бы мог подумать, что у нас будет такая невестка, которая не выполнила своих обязанностей и еще и обременяет нас... Мы, старики, в таком возрасте, чего мы хотим, только чтобы наши дети и внуки были здоровы...

Бабушка говорила все более возбужденно, а Сы Цянье успокаивал ее:

— Да, да, не плачьте, не плачьте...

— Эх!

Чэн Синьюань с раздражением вздохнул, отступил на шаг, оставив ближайшее место Сы Цянье, и, прислонившись к дверному косяку, смотрел на рыдающую бабушку.

Тем временем в палате остались только Чжао Сюньюэ и Цуй Чжи. Мальчик все время молчал,

а Чжао Сюньюэ размышлял, как его утешить. Однако, как только бабушка вышла, первым заговорил Цуй Чжи:

— Ты...

— А?

Цуй Чжи сидел на кровати, его перевязанные руки лежали на коленях. Чжао Сюньюэ стоял рядом, смотря на мальчика, и ему казалось, что тот выглядел еще более хрупким.

— Ты не поранился? — тихо спросил Цуй Чжи.

— Нет.

Чжао Сюньюэ был по натуре сдержанным и не знал, как завязать разговор с Цуй Чжи. Он коротко ответил, а мальчик опустил голову, выглядя потеряннм. Чжао Сюньюэ добавил:

— Спасибо.

Через некоторое время Цуй Чжи тихо сказал:

— Это я должен тебя поблагодарить...

Его голос был полон уныния, но в нем чувствовалась странная сдержанность. Несмотря на громкие рыдания бабушки, Цуй Чжи оставался отстраненным и даже настороженным. Его взрослая манера поведения была немного похожа на характер Чжао Сюньюэ. Он сел на кровать напротив мальчика и, глядя на него, сказал:

— Больше так не делай.

Он слегка наклонился, стараясь быть на одном уровне с Цуй Чжи. Но мальчик продолжал смотреть вниз, и Чжао Сюньюэ, глядя на его круглую макушку, подумал, что, возможно, стоит погладить его по голове, чтобы утешить. Он уже собирался поднять руку, но Цуй Чжи снова заговорил:

— Я просто хочу маму.

Рука Чжао Сюньюэ замерла в воздухе, а затем опустилась. Он молчал несколько секунд, а затем сказал:

— Мама не вернется, но у тебя есть папа.

— Но папа не возвращается.

Чжао Сюньюэ, пытаясь утешить, сказал:

— Он зарабатывает деньги, чтобы ты мог хорошо учиться, чтобы у тебя была лучшая жизнь.

— Но я не хочу учиться.

— Почему не хочешь учиться? Что ты хочешь?

— Хочу маму.

Чжао Сюньюэ замолчал, не зная, что сказать. Это был бесконечный цикл: ребенок хотел маму, вероятно, из инстинктивного стремления к любви, но его желание никогда не сбудется. Жизнь — это море страданий, и здесь нет зла, только боль.

— Ты...

Чжао Сюньюэ только начал говорить, как снаружи раздался голос бабушки Цуй Чжи:

— Мы, старики, все для него делаем, а он только маму хочет... Хочет маму, зачем тогда убивать себя? Разве смерть приведет его к маме? Что хорошего в его маме?..

Чжао Сюньюэ вздрогнул, увидев, как на лбу Цуй Чжи выступили вены, а его маленькие кулачки сжались на коленях. На коленях тоже были раны, хотя и неглубокие, только смазанные лекарством, но теперь они, казалось, были наполнены гневом мальчика, словно вот-вот раскроются.

Чжао Сюньюэ хотел протянуть руку, чтобы прикрыть раны Цуй Чжи и предотвратить выход его гнева. Но мальчик внезапно поднял руку и быстро вытер глаза. Чжао Сюньюэ понял, что тот плачет, и этот ребенок был немного похож на него: упрямый, сдерживающий эмоции.

Чжао Сюньюэ вдруг встал, пересел с кровати напротив на кровать рядом с Цуй Чжи. Когда он сел, кровать под мальчиком немного прогнулась, и Чжао Сюньюэ, хотя и не мог обнять его, старался быть как можно ближе, сказав:

— У меня тоже нет мамы.

— А?

Цуй Чжи с удивлением поднял на него глаза, они были красными. Чжао Сюньюэ тихо кивнул:

— Правда, моя мама тоже умерла, когда я был маленьким.

Цуй Чжи был чувствительным, он смотрел на этого полицейского, который не называл себя «дядя», и, убедившись, что на его лице нет особой печали, осмелился спросить:

— Почему... почему?

<http://bllate.org/book/16930/1559061>